

ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

Любое академическое издание ставит перед собой задачу наиболее полно представить художественное творчество того или иного классика, установить и прокомментировать весь корпус текстов. С другой стороны перед редакторами неизбежно возникают вопросы о том, все ли включающиеся в издание произведения действительно принадлежат этому писателю? Как поступать с теми, принадлежность которых данному автору сомнительна? Или, когда авторство установлено правдоподобно, но все же не до конца обосновано? При отсутствии установленных критериев ни один редактор не сможет гарантировать безошибочного решения этих вопросов. «Атрибуционные ошибки, неверное приписывание сочинений тому или иному писателю влекут за собой ошибки в трактовке творчества и литературного процесса, а наличие в литературном наследии неразысканных и неатрибутированных произведений делает наши знания о писателе неполными и неточными. И наоборот, убедительная точная атрибуция, введение в литературный оборот новых страниц наследия может существенно дополнить и уточнить наши знания о творчестве писателя»¹.

В чем заключается основная сложность, возникающая при атрибуции произведений А. С. Пушкина? Прежде всего, она состоит в том, что в художественном пространстве наряду с подлинным автором существует его двойник — «мнимый Пушкин». Он явился на свет при жизни поэта, когда в обществе стали распространяться его многочисленные эпиграммы и экспромты, и начал возникать пушкинский миф. «Мнимый Пушкин» стал частью этого мифа, отражающего необыкновенную популярность харизматической личности. Ни одному другому поэту никогда не приписывалось такого количества «чужих» произведений. «Мнимый Пушкин» многолик. Он проявляется в различных формах и жанрах: в прижизненной печати, в более или менее авторитетных списках, в зарубежных или нелегальных изданиях, в собраниях сочинений, в устном бытовании, и т. д. Произведения, приписываемые Пушкину, могут быть анонимны, псевдонимны, криптонимны, коллективны или подписаны полным его именем. Они существовали при жизни поэта, но особенно много их появилось во второй половине девятнадцатого столетия, когда возникла насущная потребность в «неизданном» Пуш-

кине. Они обнаруживаются и в наши дни, особенно во время празднования пушкинских юбилеев. Нередки случаи, когда одни исследователи устанавливают авторство Пушкина и включают произведение в собрание его сочинений, а другие достаточно убедительно доказывают обратное и выводят данный текст из основного корпуса. Без атрибуционных ошибок не обошлось ни одно авторитетное пушкинское издание. Атрибуция пушкинских текстов необычайно сложна, и результаты ее подвержены критике и последующему пересмотру. Вопросы о том, что следует считать убедительной атрибуцией, а что нет, какое количество атрибуционных приемов должно обеспечить необходимое ее качество, до сих пор является дискуссионными. «Труд исследователя атрибуциониста, — по меткому наблюдению Гришунина, — напоминает работу судебного следователя, и поэтому дать исчерпывающую, предусматривающую все возможные встретиться случаи методическую разработку по атрибуции так же затруднительно, как дать такое же пособие по криминалистике»².

Наиболее полную систему способов атрибуции анонимных и псевдонимных произведений представил В. В. Виноградов. Она состоит из одиннадцати позиций:

I. Субъективные:

- а) субъективно-коммерческие или сенсационные, связанные с подделкой литературных произведений;
- б) субъективно-конъюктурные;
- в) субъективно-эстетические;
- г) субъективно-психологические;
- д) субъективно-идеологические.

II. Объективные:

- а) документально-рукописные или археографические;
- б) исторические, включая сюда и биографические сведения, свидетельства современников и культурно-исторические данные;
- в) историко-идеологические и сопоставительно-идеологические;
- г) историко-стилистические, основанные на принципе избирательности индивидуально-характерных слов, выражений и конструкций;
- д) художественно-стилистические, опирающиеся на обобщения и закономерности истории стилей художественной литературы, на данные науки о языке художественной литературы;
- е) лингво-статистические³.

Практически же большинство текстологов указывают только самые общие категории атрибуции:

- 1) Документальные доказательства.

2) Идеологический (С. А. Рейсер) или социологический (А. Л. Гришунин) анализ.

3) Лингво-стилистический анализ.

Рассмотрим, насколько эти категории действенны по отношению к пушкинским текстам.

1) По свидетельству Л. Д. Опульской, А. Л. Гришунина, С. А. Рейсера и др. наиболее надежные результаты при атрибуции достигаются обнаружением прямых документальных свидетельств, т. е. рукописей разных видов (автографы, копии с авторской правкой, черновые наброски в дневниках и записных книжках и т. п.), а также документальных автопризнаний в дневниках, письмах, устных высказываниях, записанных современниками, в собственноручных пометах на книгах, в перечнях своих произведений и т. п.

Действительно для некоторых произведений авторство Пушкина было установлено на основании списка произведений, составленного самим поэтом. Например, эпиграммы на Д. И. Хвостова: «Седой Свистов! Ты царствовал со славой...», напечатанной в альманахе «Северные цветы на 1830 год» с криптонимом «Арз»⁴. Пушкин включил ее в список стихотворений, готовящихся к изданию 1832 г., записав: «Седой Хв.». Авторство Пушкина в 1910 г. установил Н. О. Лернер. Как пушкинская эпиграмма на Д. И. Хвостова была перепечатана им на страницах газеты «Речь»⁵ и включена в собрание сочинений поэта под редакцией С. А. Венгерова⁶. Перечни такого рода, как правило, составлялись поэтом, когда он готовил произведения к печати. Списками бесцензурных стихотворений, например, записанных поэтом в тетради Милорадовича, мы, к сожалению, не располагаем.

Другое произведение — рецензию на поэму Ф. Н. Глинки «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой», опубликованную без подписи в «Литературной газете»⁷, в 1916 г. атрибутировал Пушкину М. Л. Гофман. Одним из существенных аргументов этой атрибуции, наряду со стилистическими наблюдениями, было наличие в библиотеке Пушкина двух экземпляров рецензируемой книги Ф. Н. Глинки. Одну из них, а именно ту, по которой был написан отзыв, Пушкин приобрел сам. А вторую, с дарственной надписью, ему, несколько дней спустя, прислал из Петрозаводска благодарный сочинитель⁸. Тщательное обследование личной библиотеки Пушкина, безусловно, может способствовать атрибуционному решению в ту или иную сторону.

Авторское признание или непризнание не всегда заслуживает полного доверия. Пушкину, при жизни, в печати приписывали добрый десяток произведений. Против публикаций под его именем в альманахах и песенниках чужих стихотворений он даже не пробовал возра-

жать. Известна лишь одна попытка поэта отмежеваться от пиратских действий издателей. Это произошло в 1829 г., когда М. А. Бестужев-Рюмин напечатал в альманахе «Северная звезда» шесть стихотворений Пушкина и отрывок из стихотворения П. А. Вяземского «Негодование» под названием «Элегия» («О, ты, которая из детства...») с одинаковой подписью «Ап» (анонимное)⁹. По сути дела это была грубая подделка под пушкинский цикл. Возмущенный издательским произволом Пушкин намеревался прибегнуть к «покровительству законов». Он написал две критические статьи: «О публикации Бестужева-Рюмина в “Северной звезде”» и «Альманашик». Обе они остались неопубликованными¹⁰. В результате «Элегия», перепечатанная под именем Пушкина в журнале «Современник» и вошедшая в собрание сочинений поэта под редакцией П. В. Анненкова, а также в последующие издания, до выхода полного собрания сочинений П. А. Вяземского признавалась лицейским стихотворением поэта.

Даже официальное отречение от авторства далеко не всегда является достаточным аргументом для атрибуции или атетезы. Известно, что Пушкин неоднократно отрекался от авторства «Гавриилиады»¹¹, утверждая принадлежность ее «покойному поэту кн. Дм. Горчакову»¹². Сам же он якобы только списал поэму, запамятав, куда девался этот список. Более того, в частном письме к П. А. Вяземскому от 1 сентября 1828 г. (XIV, 27) Пушкин, зная о перлюстрации своих писем, вынужден был прибегнуть к хитрости и снова сослаться на авторство Горчакова. Впоследствии Вяземский на томике стихотворений Пушкина (1870 г.), отметил, что получил от Пушкина текст «Гавриилиады», написанный его рукой. Своему сыну Вяземский завещал сжечь рукопись поэмы. Она известна только в списках. Однако сохранившиеся авторские наброски и план «Гавриилиады»¹³, упоминания о ней в письмах Пушкина к А. И. Тургеневу и П. А. Вяземскому, а также переписанные Вяземским в письме к А. И. Тургеневу фрагменты поэмы не вызывают сомнений в авторстве Пушкина¹⁴. Тем не менее, в начале XX века разгорелся нешуточный спор по поводу принадлежности этой поэмы Пушкину между Н. П. Барсуковым и В. Я. Брюсовым. В полемике, развернувшейся на страницах нескольких журналов и газет, приняли участие Н. Я. Стенькин, В. В. Каллаш, Н. О. Лернер¹⁵. Время от времени этот вопрос снова будоражит общественное мнение. В личном архиве С. А. Фомичева сохранился любопытный документ на тему авторства «Гавриилиады»: официальное письмо писателя В. Н. Кедрова к мэру Санкт-Петербурга А. А. Собчаку от 20 сентября 1993 г. В этом письме автор только что напечатанной исторической повести «На край света» сетует на то, «что нашего, любимого народом, поэта А. С. Пуш-

кина снова пытаются использовать для антирелигиозной пропаганды, приписывая ему безнравственное произведение, которого он не писал, “Гавриилиаду”». Более того, В. Н. Кедров решительно протестует против включения этого «безнравственного» произведение в академическое собрание сочинений Пушкина. Вот его аргументы:

«1. “Гавриилиада” дискредитирует все христианские религии мира. Несомненно, возникнет волна протестов во многих странах. Появится неприязнь к Пушкину.

2. Уменьшится положительное влияние произведений Пушкина на воспитание молодежи.

3. “Пушкинский Дом” сам себя замарает.

4. Интерес к русской классике снизится.

5. Нашу исполнительную власть, особенно петербургскую, начнут обвинять в непринятии должных мер для изъятия “Гавриилиады” и т. д.».

Дабы избежать этих чудовищных последствий для русской культуры и петербургской власти, автор письма предлагает мэрии «официально потребовать изъятия “Гавриилиады” из материалов академического издания Пушкина», а проблему авторства решить «на демократическом совещании пушкинистов, филологов, представителей профессорского состава филологических факультетов университетов». На первом листе письма — резолюция мэра Санкт-Петербурга А. А. Собчака. Приводим ее дословно: «В. П. Яковлеву. Переговорите с Лихачевым. Думаю, что Кедров прав — если сам Пушкин не вкл. Гавриилиаду (sic!) в свои собр. соч., то сейчас этого делать не нужно, тем более ни в одном акад. собр. ее нет. 24.09.93. А. Собчак»¹⁶.

В документальной атрибуции первостепенная роль, несомненно, отводится рукописи. Особенно это касается автографов с авторской правкой. «Рукопись, если она отражает результаты творческой работы, служит бесспорным свидетельством авторской принадлежности. Находка таких рукописей позволяет установить авторов произведений, считавшихся неизвестными, подтверждает авторство, приписывавшееся предположительно на основе других источников»¹⁷. Впервые в России издание собрания сочинений по рукописям было осуществлено после смерти Пушкина его друзьями В. А. Жуковским, П. А. Вяземским, П. А. Плетневым. Этот принцип был заложен в основу первого научного собрания сочинений Пушкина под редакцией П. В. Анненкова. Получив в свое распоряжение рукописи Пушкина, и проделав огромную собирательскую и текстологическую работу, Анненков опубликовал около ста двадцати неизвестных произведений поэта. Единственным критерием для включения произведе-

дения в основной корпус у него, как правило, было наличие рукописи или свидетельства самого автора. Высоко оценивая авторские права, он утверждал, что даже «заверения и свидетельства его друзей как предания словесные не придают делу той юридической достоверности, которая необходима для определения литературной собственности»¹⁸. Однако не существует правил без исключений. Иногда Анненков вынужденно отступал от своих принципов и, при отсутствии автографа, печатал в собрании сочинений Пушкина отдельные стихотворения по анонимным публикациям или спискам, руководствуясь тем или иным авторитетным мнением. Но в примечаниях он обязательно указывал источник и подчеркивал недостаточность свидетельств, для того чтобы считать данное произведение несомненно пушкинским. В сущности, Анненков начал вводить в собрание сочинений Пушкина дубиальные тексты, не выделяя их в специальный раздел, а располагая в порядке хронологии.

В истории пушкинистики насчитывается немало случаев, когда текст, написанный рукой Пушкина, на проверку оказывался не автографом, а всего лишь копией или выпиской из произведения другого автора. Пушкинские копии вводили в заблуждение и издателей его сочинений, и ученых. Особенно не повезло в этом вопросе М. О. Гершензону. В начале 1820-х гг. Пушкин сокращенно переписал для себя примечание В. А. Жуковского к стихотворению «Лалла Рук»: «Руссо сказал: il n'y a de beau que ce qui n'est pas...»¹⁹. В начале 1880-х годов, составляя описание рукописей Пушкина, В. Е. Якушкин не разобрался в авторстве и напечатал этот текст как пушкинский²⁰. Вскоре в газетной заметке его поправил А. Филонов²¹. Якушкину пришлось признать собственную ошибку²². Прошло более тридцати лет, и М. О. Гершензон открыл свою книгу «Мудрость Пушкина» рассуждением Жуковского, преподнеся его как «самую поразительную из страниц, написанных Пушкиным», как «ключ к пониманию Пушкина»²³. Публикацией неизвестного автографа поэта, которого нет «ни в одном собрании его сочинений», Гершензон, казалось, собирался удивить весь литературный мир. Отсюда звучный заголовок «Скрижаль Пушкина» и выразительный комментарий, убедительно свидетельствующий, что любой высокохудожественный текст можно при желании обосновать и выдать за пушкинский. Этот поучительный казус был далеко не единственным в творческой деятельности Гершензона. Вот как об этом нам поведал С. А. Рейсер: «Доверчивые исследователи, увидя автограф писателя, приписывают ему буквально-таки “всяко лыко в строку” — на этом основан ряд полукомических (или полутрагических) текстологических эпизодов. Пушкин сокра-

ценно записал для себя примечание Жуковского к стихотворению «Лалла Рук», а М. О. Гершензон — приписал эти строки Пушкину. Тот же исследователь, найдя «Черные очи» Бенедиктова, переписанные рукой В. С. Печерина, поспешил приписать ему и это стихотворение (М. О. Гершензон. Жизнь В. С. Печерина. М., 1910, с. 37). Но еще более конфузный эпизод случился снова с этим, в общем осторожным ученым, когда сделанную Пушкиным копию стихотворения Жуковского «Скрижаль» он принял за стихотворение Пушкина и открыл им свою книгу «Мудрость Пушкина». (М., 1919, С. 9–10). Ошибка была замечена слишком поздно, и злосчастную страницу, содержащую этот текст, пришлось вырезать вручную: для этого пришлось обойти ряд книжных магазинов и посетить почти всех, кому книга была подарена — так был исправлен почти весь тираж, но библиофилы особенно чтят «полные» экземпляры²⁴. Внесем некоторую ясность в «конфузный эпизод». С. А. Рейсеру, по-видимому, не удалось заглянуть в «полный» экземпляр. Иначе трудно объяснить его собственный конфуз. Дело в том, что «Скрижаль Пушкина» это не копия стихотворения Жуковского «Скрижаль», а копия рассуждения Жуковского на тему стихотворения «Лалла Рук». И напечатана эта копия не на страницах 9–10, а на страницах 5–6 книги Гершензона «Мудрость Пушкина». В Пушкинском кабинете Института русской литературы сохранился авторский экземпляр этой книги с дарственной надписью: «Павлу Никитичу Сакулину с дружеским приветом. 15/28 декабря 1919 г. М. Гершензон». Под «Скрижалю» Сакулин вписал карандашом свой комментарий: «Вся приведенная страница принадлежит Жуковскому. См. 10-е издание под ред. Ефремова стр. 213–214 (при стихотворении 1821 г. «Лалла Рук») и 950 (письмо к Гоголю 1848 г. «Слово поэта — дело поэта»; последнее также в III т. под ред. Архангельского, с. 227). Ср. в монографии Веселовского стр. 257–8. П. Сакулин»²⁵. В печати на ошибку Гершензона тогда же указали П. Е. Щеголев и Н. О. Лернер²⁶.

Пушкинская копия перевода И. И. Дмитриевым Ж.-Б. Мольера смутила даже такого опытного текстолога, как Б. В. Томашевский. Он принял ее за попытку Пушкина перевести французского комедиографа²⁷.

Подобных примеров можно привести достаточно много. Атрибуционные ошибки такого рода, разумеется, не должны ставить под сомнение значения рукописи как наиболее убедительного доказательства авторства. Но при условии критического отношения к ней со стороны исследователей. Ибо то, что принимается за творческий автограф, на проверку может оказаться всего лишь копией чужого произведения.

На атрибуционный процесс, безусловно, могут существенно влиять мнения людей из близкого окружения Пушкина. Неоценимую услугу редакторам оказывал П. А. Вяземский, исправно подчищавший пушкинские издания от чужих, а иногда и от своих текстов. Иногда свидетельства друзей поэта относительно авторства того или иного стихотворения входили в явное противоречие. Так произошло с лицейскими стихами «От всенощной вечер идя домой...», текст и историю создания которых привел в своих «Записках о Пушкине» его ближайший друг И. И. Пущин²⁸. Казалось бы, нет никаких оснований сомневаться в авторстве Пушкина. Но вот комментарий Вяземского: «Едва ли Пушкина, кроме двух последних стихов все прочее довольно вяло»²⁹. Поскольку речь шла о лицейском произведении, то издатели должны были предпочесть мнение И. И. Пущина, который детально воспроизвел историю создания этого текста. Тем не менее, благодаря авторитету Вяземского, в собраниях сочинений Пушкина под редакцией П. А. Ефремова, С. А. Венгерова стихотворение «От всенощной вечер идя домой...» печаталось как приписанное Пушкину. В настоящее время это стихотворение прочно входит в основной корпус пушкинских текстов.

Современники поэта нередко расходились во мнениях относительно авторства той или иной эпиграммы. Наряду с именем Пушкина звучали и другие имена. Так П. П. Каверин и А. В. Шереметев записали в свои тетради эпиграмму «Мы добрых граждан позабавим...» как пушкинскую, а Е. А. Бестужева засвидетельствовала принадлежность ее Е. А. Баратынскому³⁰.

Современные исследователи, имея дело с текстами, принадлежность которых Пушкину не установлена, далеко не всегда осуществляют свой анализ с привлечением автографов. Атрибуция нередко проводится ими на основании списков, причем далеко не авторитетных, или фотокопий. Бывает и так, что списки принимаются исследователями за пушкинские автографы. Как это произошло, к примеру, со стихотворением «Кокетке» («Пускай зовут меня глупцом...»). В действительности стихотворение «Кокетке» было написано шестнадцатилетним И. И. Панаевым и опубликовано в 1828 г. в газете «Северная пчела» под криптонимом N. N. N.³¹ Показательно, что в случае с «Кокеткой» оконфузились и криминалисты, подтвердившие подлинность представленных на экспертизу документов на основе сопоставления их с фотокопиями.

Приведенные нами примеры документальной атрибуции пушкинских произведений подтверждают выводы опытного текстолога, сделанные на основании изучения рукописей разных писателей:

«Высшим критерием атрибуционной истины является не документ, а исторический и филологический анализ, устанавливающий авторитетность найденных документов, правильно истолковывающий их содержание и всякого рода фальшивки. Именно поэтому поиски документальных свидетельств не должны приводить нас к фетишизации документов или к отрицанию всех других методов доказательства авторской принадлежности»³².

Методика идеологического анализа, состоящая в установлении идейного единства рассматриваемого произведения с произведениями предполагаемого автора, на сегодняшний день разработана слабо. По большому счету атрибутируемое произведение нужно рассматривать в контексте мировоззрения писателя и его творческой эволюции. Практически же идеологический анализ «сводится к выявлению отдельных идей произведения и к догадкам о том, мог ли в таком духе высказаться такой-то автор, охотно используют так называемые «внутренние признаки», представляющие собой подобные же догадки о том, соответствуют ли те или иные высказываемые в произведении мысли и положения «духу» данного автора»³³. В таком аспекте методика идеологического анализа неэффективна. Применяя ее для атрибуции того или иного текста необходимо принимать во внимание, что аналогичные идеи и темы могут возникнуть у разных авторов, исповедующих одни и те же мысли и убеждения, характерные для данного времени. Так стихотворное переложение молитвы «Отче наш»: «Я слышал — в келии простой...» приписывалось и Пушкину, по аналогии с переложением известной молитвы Ефрема Сирина, и А. А. Фету, также переложившему стихами «Отче наш». Действительным же автором этого стихотворения, как убедительно доказал Б. Я. Бухштаб, является П. А. Ширинский-Шихматов. Характерно, что атрибуция была осуществлена документальным способом. Б. Я. Бухштаб нашел публикацию «Молитвы» в журнале «Москвитянин» за 1842 год и расшифровал криптоним, которым она была подписана³⁴. Историей этого стихотворения до Б. Я. Бухштаба занимался В. В. Виноградов. Выразив сомнение в корректности субъективно-идеологических и субъективно-эстетических методов атрибуции, он призвал расширить диапазон «тщательных изысканий и точных историко-документальных указаний»³⁵. Отстаивая в качестве «объективного» метода лингво-стилистическую атрибуцию, В. В. Виноградов писал: «Ссылка на совпадение идей, выраженных в анонимном или псевдонимном сочинении с мировоззрением, со взглядами того или иного автора может быть доказательной лишь в том случае, если будет

убедительно доказана общность стилистических принципов воплощения одинаковых идей»³⁶.

3) Несмотря на усилия со стороны таких ученых как В. В. Виноградов, С. М. Бонди, Б. В. Томашевский, Г. О. Винокур и др., методика атрибуции посредством анализа языка и стилистических факторов разработана явно недостаточно для принятия безошибочных решений. Главная проблема этого атрибуционного способа состоит в правильном определении специфики языковых и стилистических показателей. Особые трудности возникают в связи с тем, что при атрибуции приходится учитывать стиль не только известных, но и второстепенных авторов. А у них он не имеет четко выраженной индивидуальности и более склонен к подражательности. «Огромное влияние Пушкина, — писал В. В. Виноградов, — сказывалось и в том, что его языку, его манере письма прямо подражали, старались “писать как Пушкин”. Наконец, лица, знавшие Пушкина лично, сходившиеся с ним в одной гостиной, в одной редакции, естественно, запоминали его редкие суждения по разным, тем более литературным вопросам, потом, быть может, даже бессознательно, повторяли эти суждения в своих статьях. При Пушкине никто не писал “совсем так, как пишет Пушкин и многие писали более или менее похоже на Пушкина” (В. Брюсов)»³⁷. Теория «лингвистических спектров» Н. А. Морозова, неудавшаяся попытка Ф. Е. Корша доказать авторство Пушкина в сфальсифицированном Д. П. Зуевым «окончании» «Русалки», использование А. Л. Гришуниним для атрибуции языковых дублетов, наконец, стремление М. А. Цявловского, продолженное исследованием М. Шапира и И. Пильщикова, доказать лингво-стилистическим методом принадлежность Пушкину «Тени Баркова» — все это не привело к желаемым результатам. «Дело в том, — как справедливо отметил Б. В. Томашевский, — что доказать путем стилистических сопоставлений принадлежность произведения определенному автору гораздо труднее, чем эту принадлежность опровергнуть. Элементы сходства можно найти между любыми произведениями, особенно если они принадлежат одной эпохе или, если какое-нибудь поддельвалось под другое. На этих незначительных сходствах и строятся обычно заявления о принадлежности, в то время как аргументация противоположного исходит из общего анализа произведения, что всегда производит впечатление большей убедительности»³⁸.

В 1980-х гг. появились работы ученых (в первую очередь здесь следует назвать норвежца Г. Хетсо), применивших для атрибуции математический анализ стилистических признаков. В 1990 г. про-

фессор Санкт-Петербургского университета М. А. Марусенко предложил для атрибуции анонимных и псевдонимных текстов метод, названный «теорией распознавания образов». Автор новой теории утверждал, «что она способна обеспечить стопроцентно надежное определение принадлежности текста данному автору»³⁹. Однако уже в следующей коллективной работе он признал, что «статистико-вероятностные методы анализа языка и стиля <...> не обладают самостоятельной эвристической силой и используются только для проверки исходной литературно-критической гипотезы»⁴⁰.

Таким образом, ни один из существующих способов атрибуции не дает необходимой гарантии. Вероятность достижения положительного результата возрастает при использовании всей, имеющейся в распоряжении ученых, методики. При этих условиях необходимо с большой осторожностью решать вопрос о включении в основной корпус собраний сочинений произведений, атрибуция которых признается недостаточно аргументированной. В научных изданиях обязательно должен быть представлен раздел «Dubia». Однако здесь возникает другая проблема. Дело в том, что в изданиях разных авторов степень достоверности дубиальных текстов понимается по-разному. И соответственно границы раздела «Dubia» в различных изданиях то сужаются, то раздвигаются. Так какими же критериями необходимо руководствоваться для включения произведений в этот «пограничный» раздел? Этому вопросу посвящена обстоятельная статья Е. И. Прохорова «Проблема отдела “Dubia” в изданиях произведений писателей-классиков»⁴¹. Автор статьи, проанализировав под этим углом зрения множество собраний сочинений, вынужден был констатировать существование диаметрально противоположных решений, вплоть до исключения этого отдела из состава издания. Исследователь выделил три важнейших критерия, на основании которых произведения на практике относятся к дубиальным: «приписанное по традиции», «приписанное по недостаточности доказательств» и «приписанное в виду недоверности текста»⁴². Насколько сложно бывает редактору сопротивляться традиции, поставленной выше фактов, свидетельствует пример с изданием сочинений Г. Р. Державина. Даже один из лучших знатоков его творчества Я. К. Грот вынужден был включать в «Dubia» произведения, в принадлежности которых поэту он сильно сомневался. Перепечатывал же он их по той простой причине, что эти произведения были отмечены в рукописных сборниках или в прежних изданиях именем Державина. Тем более эта традиция живуча по отношению к А. С. Пушкину. Автор статьи приводит характерное мнение одного из редакторов первого

академического издания В. Е. Якушкина: «Раз такое стихотворение приписано Пушкину списками, раз оно было напечатано с его именем около пятидесяти лет назад и с тех пор получило общее признание, вошло во все авторитетные издания сочинений Пушкина, без всяких колебаний даже в хронологии, мы тоже должны были его взять, не имея никаких оснований отвергнуть его»⁴³. Вывод Е. И. Прохорова очевиден: «традиция — не научный довод, и публикацию в «Dubia» приписанного только по традиции следует отвергнуть раз и навсегда»⁴⁴.

В. Э. Вацуро писал, что в этот раздел должны помещаться тексты, «авторство которых не доказано с полной определенностью, — например автографом или прямым указанием автора или ближайших к нему лиц, но подтверждается достаточным числом косвенных данных. На протяжении всей истории издания и изучения классиков этот “пограничный” отдел не исчезал, но менялся в своем составе, ибо нельзя полностью примирить стремление к полноте и стремление к достоверности, и ни один издатель не может пренебречь косвенными свидетельствами. Методика же их анализа уже выросла в вспомогательную научную дисциплину, требующую от филолога скрупулезного изучения не только творчества писателя, но и его литературной среды»⁴⁵.

Рассмотрим несколько примеров того, как на практике в разных научных изданиях классиков формируется раздел «Dubia».

В собрании сочинений Максимилиана Волошина приписываемые ему стихотворения выведены за пределы издания. О них кратко сообщается в комментариях В. П. Купченко к первому тому⁴⁶. Раздел «Dubia» отсутствует.

В преамбуле к комментариям к первому тому Полного собрания сочинений и писем Н. В. Гоголя принцип выделения произведений в раздел «Dubia» сформулирован следующим образом: «В “Dubia” помещаются тексты, сохранившиеся в воспоминаниях других лиц (акrostих, отрывок из поэмы “Россия под игом татар”), а также стихотворение “Италия”, принадлежность которых Гоголю весьма вероятна, но не подтверждена документально»⁴⁷. Но, как выяснилось из комментариев, продекларированный принцип относится не ко всем указанным текстам. Если авторство Гоголя в отношении отрывка из поэмы «Россия под игом татар» подтверждается свидетельством матери писателя М. И. Гоголь, если сведения об авторстве стихотворения «Италия» исходят от соученика и одного из ближайших друзей писателя Н. Я. Прокоповича, и только отсутствие автографов или других очевидных доказательств не позволяют включить эти стихот-

ворения в основной корпус, то принадлежность Гоголю акростиха уже не столь вероятна. Что подтверждает комментарий к этому тексту: «Поскольку принадлежность этого стихотворения Гоголю основывается только на свидетельстве Высоцкого, сообщившего его через тридцать лет после окончания гимназии, не исключена также возможность, что оно “могло быть написано и кем-то другим из нежинских гимназистов или явиться плодом коллективного творчества”»⁴⁸. Стремление издателей наиболее полно представить творчество классика и беспокойство о том, чтобы приписываемый ему текст не исчез из поля зрения исследователей, вполне очевидно.

Аналогичными соображениями относительно текстов, принадлежность которых А. С. Грибоедову не установлена, по-видимому, руководствуется и С. А. Фомичев. Но его подход более радикален. В преамбуле к комментариям ко второму тому Полного собрания сочинений и писем А. С. Грибоедова С. А. Фомичев пишет: «В разное время в собраниях сочинений Грибоедова и в статьях о нем делались попытки обосновать его авторство относительно произведений, появившихся в печати анонимно или под псевдонимом, а также дошедших до нас в неавторизованных списках. При всей рискованности отдельных допущений подобного рода практику включения в грибоедовские издания (в составе отделов “Dubia”) следует считать полезной. <...> В дальнейшем произведения этого отдела или переходят в основной корпус, или же исчезают из собрания сочинений вообще»⁴⁹. Таким образом, в отдел «Dubia» предлагается включать произведения, вызывающие серьезные сомнения в авторстве Грибоедова. Характерно, что самого отдела «Dubia», как такового, в этом издании нет. Вместо него введены рубрики: «Стихотворения, приписываемые Грибоедову» и «Статьи, приписываемые Грибоедову». И таким образом фактически устранено различие между дубиальными и приписываемыми данному автору текстами.

Более осторожная точка зрения относительно дубиальных текстов отличает редакторов Полного собрания сочинений и писем А. А. Блока: «Особого внимания заслуживают те источники текста, относительно которых авторство Блока невозможно ни окончательно установить, ни опровергнуть. Выявленные на сегодня поэтические произведения такого рода помещаются в разделе “Dubia”...»⁵⁰.

Наиболее сбалансированная позиция по отношению к волнующей нас проблеме представлена редакторами Полного собрания сочинений и писем Н. А. Некрасова. В комментариях к первому тому сообщается: «В отдел “Dubia” вошли лишь такие стихотворе-

ния, принадлежность которых Некрасову вызывает мало сомнений. Стихотворения 1838–1855 гг., включавшиеся в издания Некрасова ошибочно или без достаточных оснований, в настоящие тома не перепечатаны...»⁵¹. Но в конце каждого из трех первых томов лирики, в соответствии с хронологией, имеется раздел: «Стихотворения, включавшиеся в собрания сочинений Некрасова ошибочно или без достаточной аргументации». И приводятся соответствующие комментарии. При наличии приписываемых автору произведений существование подобного раздела в научном издании, на наш взгляд, просто необходимо. Если таких произведений относительно немного, то целесообразно помещать этот раздел в конце каждого тома, как это сделано в некрасовском издании. Для академического собрания сочинений А. С. Пушкина это неприменимо из-за слишком большого количества псевдопушкинских текстов. Их нужно печатать в отдельном томе с комментариями в качестве приложения к академическому изданию.

---

¹ Гришунин А. Л. Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. С. 250.

² Там же. С. 253–254.

³ О принципах определения авторства в связи с общими проблемами теории и истории литературы. Научная сессия (Тезисы докладов и сообщений). Л., 1960. С. 3.

⁴ Северные цветы на 1830 год. СПб., 1829. С. 97.

⁵ Лернер Н. О. Стихотворение Пушкина // Речь. 1910. № 52. 22 февраля. См. также: Лернер Н. О. Заметки о Пушкине // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. СПб., 1913. Вып. 16. С. 30–37.

⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1911. Т. 5. С. XLVII

⁷ Литературная газета. 1830. Т. 1. № 10. 15 февраля. С. 78–81..

⁸ См.: Гофман М. Л. Отзыв Пушкина о «Карелии» Ф. Н. Глинки (Новые материалы к тексту Пушкина // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Пг., 1916. Вып. 23–24. С. 9–20).

⁹ Северная звезда. СПб., 1829. С. 65.

¹⁰ Подробнее об этом см.: Левкович Я. Л. К истории статьи Пушкина «Альманашик». С. 268–277.

¹¹ ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 723, 724.

¹² ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 838. Л. 22–22об.

¹³ ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 831. Л. 28.

¹⁴ Подробнее об истории создания поэмы, источниках текста, истории изучения см.: Пушкин А. С. Гавриилиада: поэма / Подгот. текста и коммент. М. В. Строганова. Тверь, 2000.

¹⁵ Подробнее об этом см.: Там же. С. 152–153.

¹⁶ Благодарю С. А. Фомичева за предоставление уникального материала из личного архива.

¹⁷ *Опульская Л. Д.* Документальные источники атрибуции литературных произведений // Вопросы текстологии: сб. статей. Вып. 2. М., 1960. С. 13.

¹⁸ *Анненков П. В.* Материалы для биографии Пушкина. СПб., 1855. С. 250–251.

¹⁹ ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 1602 (опубл.).

²⁰ *Якушкин В. Е.* Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // Русская старина. 1884. № 12. С. 553–554.

²¹ «Новое время». 1884. № 3174. 29 декабря.

²² Русская старина. 1885. № 4. Обложка.

²³ *Гершензон М. О.* Мудрость Пушкина. М., 1919. С. 5–6.

²⁴ *Рейсер С. А.* Основы текстологии. С. 86; *Он же.* Палеография и текстология. С. 217–218.

²⁵ *Гершензон М. О.* Мудрость Пушкина. С. 6.

²⁶ Книга и революция. 1920. № 2. С. 57–60; 1921, № 1. С. 81.

²⁷ *Томашевский Б. В.* Жизнь искусства. 1924. № 2. С. 18; *Он же.* Писатель и книга. Очерки текстологии. М., 1959.

²⁸ *Пуцин И. И.* Записки о Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. СПб., 1985. Т. 1. С. 80–81.

²⁹ *Барсуков Н.* Князь Вяземский и Пушкин // Старина и новизна. 1904. № 8. С. 34.

³⁰ Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 414.

³¹ Подробнее о мнимом открытии пушкинских автографов см.: *Кислинская Л.* «И в черном локоне алмазы...» / Советская Россия. 1987, 11 марта; *Она же.* Выговор за гипотезу / Советская Россия 1987, 7 июня; *Краснобродько Т.* Несостоявшееся открытие / Литературная газета. 1987, № 11, марта 11.

³² *Опульская Л. Д.* Документальные источники атрибуции литературных произведений // Вопросы текстологии: сб. статей. Вып. 2. М., 1960. С. 49.

³³ *Гришунин А. Л.* Исследовательские аспекты текстологии. С. 257.

³⁴ См.: *Бухштаб Б. Я.* Об авторстве стихотворения, приписывавшегося Пушкину и Фету // Искусство слова: Сб. статей к 80-летию чл.-корр. АН СССР Д. Д. Благого. М., 1973. С. 247–253.

³⁵ *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 138.

³⁶ *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. М., 1959. С. 310.

³⁷ Там же. С. 269.

³⁸ *Томашевский Б. В.* Писатель и книга. Очерки текстологии. М., 1959. С. 195.

³⁹ *Марусенко М. А.* Атрибуция анонимных и псевдонимных литературных произведений методами распознавания образов. Л., 1990.

⁴⁰ *Марусенко М. А., Бессонов Б. Л., Богданова Л. М., Аникин М. А., Мясоедова Н. Е.* В поисках потерянного автора: Этюды атрибуции. Филологический факультет СПбГУ. 2001. С. 6. См. рецензию на эту книгу: *Балакин А. Ю.* «В плену “холодных числ”» // Русская литература. 2003. № 2. С. 208–214.

⁴¹ Прохоров Е. И. Проблема отдела «Dubia» в изданиях произведений писателей-классиков // Вопросы текстологии: Сб. статей. М., 1960. Вып. 2. С. 196–240.

⁴² Там же. С. 222.

⁴³ Там же. С. 223.

⁴⁴ Там же. С. 225.

⁴⁵ Вацуро В. Э. Приписываемое Пушкину // Новое литературное обозрение. 1992. № 1. С. 251.

⁴⁶ Волошин М. Собр. соч. М., 2003. Т. 1. С. 430–431.

⁴⁷ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2001. Т. 1. С. 561.

⁴⁸ Там же. С. 865.

⁴⁹ Фомичев С. А. От редакции // Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 385.

⁵⁰ <Небольсин С. А.> [Преамбула к комментарию] // Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999. Т. 5. С. 300.

⁵¹ <Вацуро В. Э., Гаркави А. М.> Комментарии // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1981. Т. 1. С. 568.

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ОТ ИСТОРИИ ТЕКСТА К ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

,

Москва
ИМЛИ РАН
2015